

681
н 24/60

1946
Ж 27461

СЕВЕРНЫЙ ОХОТНИК

Орган Северного Областного Полномочного Представитель-
ства Центрального Комитета Всероссийского Производственного
Союза Охотников.

№ 1

1923

Январь.

СОДЕРЖАНИЕ.

От редакции. А. Субботин. В лесу (стих.). Гр. Рахманин. В знании—сила. П. Козлов. На медведя (разск.). А. Г. Лесногорский. Зимнее солнце (стих.). Валентов. О чем говорят. Сидор Небогатый. Басня. В. Шилов. Пушторг. Ник. Оглоблин. Зима (стих.). В. Суворцев. Братский привет охотникам от рыбаков. Аренда водоемов. (Волог. г.). Нэл. Сказка про мужика, чертей и пушнину. У рыбаков. По Северу. По Вологодской губернии. Всероссийская Сельско-Хозяйственная Выставка. Почтовый ящик. От редакции. Об'явления.

ВОЛОГДА.
Типография Северосоюза.
1923.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на ежемесячный—единственный на Севере охотничий журнал
„Северный Охотник“.

Орган Северного Областного Полномочного Представительства Центрального Комитета
Всероссийского Производственного Союза Охотников.

В журнале печатаются: популярно-научные статьи, посвященные всем отраслям охоты, рыболовству и спорту, стихи, беллетристика, фельетоны, и проч., вопросы и ответы, корреспонденции с мест и т. д.

Подписка принимается на 6 месяцев (январь—июнь) и на 3 месяца (январь—март).

Подписная плата для Отделов ВПСО на 6 месяцев с доставкой и пересылкой—1 рубль 20 копеек зол., на 3 месяца—75 копеек зол.

Для всех остальных учреждений, организаций и лиц: на 6 месяцев—1 рубль 50 копеек, на три месяца—1 рубль 20 копеек зол.

Плата за объявления: 1 стр.—20 рублей золотом, $\frac{1}{2}$ стр.—11 рубл. зол., $\frac{1}{4}$ стр.—6 рублей зол., $\frac{1}{8}$ стр.—3 рубля зол. и $\frac{1}{16}$ стр.—1 рубль 50 коп. зол. (для Членов ВПСО за $\frac{1}{16}$ стр.—75 коп. зол.).

Плата за подписку и объявления исчисляется по курсу золотого рубля в сов. ден. знаках, установленному Спец. котировальн. Комиссией в день перевода денег или уплаты Редакции.

Прием по делам Редакции—ежедневно (кроме праздников) с 12—2 час. дня.

Присылаемые материалы для журнала просьба присылать в 2 экз., отпечатанные на машинке, на одной стороне листа с широкими полями.

Гонорар за помещаемый материал уплачивается по установленному тарифу.

Рукописи, присланные без отметки платная, считаются присланными бесплатно.

Рукописи—не возвращаются.

Адрес Редакции и Конторы: Вологда, улица Урицкого, 6.

**Северное Областное Полномочное Представительство Центрального Комитета
Всероссийского Производственного СОЮЗА ОХОТНИКОВ**

Вологда, улица Урицкого 6, тел. 489, телеграфн. адрес:

Вологда—СЕВПРЕДЦЕКОХОТ.

Район действий: Архангельская, Вологодская, Череповецкая, Вятская и Северо-Двинская губернии и Автономная Область Коми.

Представительство является Областным Филиалом Ц. К. и выполняет по Области все функции Центрального Комитета.

Представительство производит следующие операции:

- 1) Заготавливает пушнину, как в порядке товарообмена, так и за наличный расчет (мелкими и крупными партиями).
- 2) Снабжает Отделы ВПСО охотничьими припасами и оружием, как в порядке товарообмена, так и за наличный расчет.
- 3) Снабжает Отделы ВПСО охотничьей литературой, значками Союза, бланками Членских билетов и т. д.
- 4) Издает охотничий журнал „Северный Охотник“.
- 5) Принимает от Отделов ВПСО Севера всевозможные Комиссионные поручения по покупке и продаже продуктов охоты и охотн. принадлежностей.

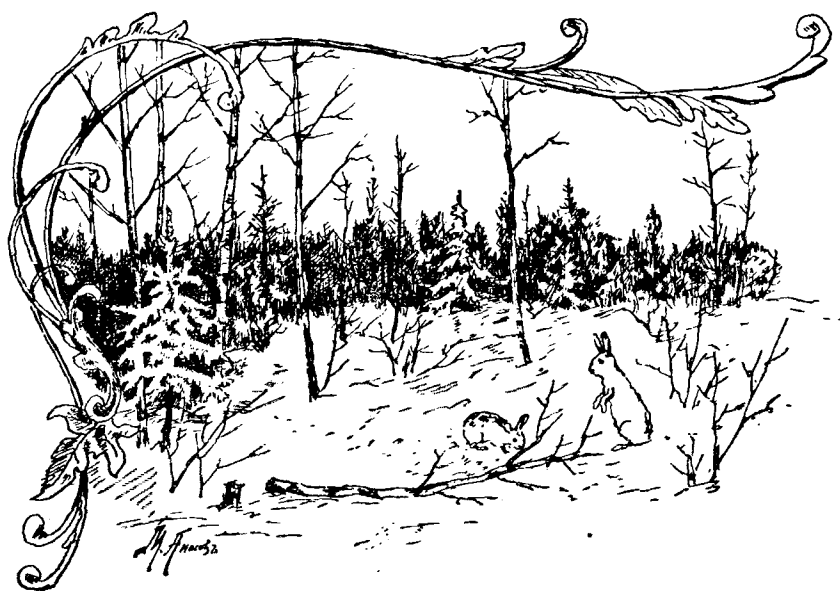
Цены на отпускаемые Отделам ВПСО товары, благодаря непосредственным закупкам от крупнейших русских и иностранных фирм дешевле, чем где бы то ни было.

Цены на покупаемые продукты охоты, благодаря непосредственному сбыту за границу, выше цен всех конкурентов.

Полномочный Представитель Ц. К. на Севере,

Член Центрального Комитета Гр. **Рахманин.**

Заместитель Полн. Представителя **Белавин.**

ОТ РЕДАКЦИИ.

С чувством глубокого душевного трепета выпускаем мы первый номер журнала „Северный Охотник“.

Тяжелы и непомерно суровы условия всякого в особенности специально охотничьего издательства в настоящий момент...

Печатные охотничьи органы, издаваемые Отделами нашего Союза, за последнее время появились то там, то тут, но увя... блеснув как метеор первым номером, они быстро, как и надлежит метеору—исчезали...

Идейные начинания Союза не выдержали непомерных издательских расходов и журналы умирали.

Нас предостерегали, нам говорили, что и наш журнал постигнет та же участь, но мы видели, как горячо откликнулись все Отделы Союза Севера на наш призыв помочь нам в издании „Северного Охотника“, мы знаем какую роль может и должен будет сыграть наш журнал в жизни охотничьего Севера, и мы решились наперекор всем мрачным предсказаниям пессимистов, опираясь на ту мо-

ральную и материальную поддержку, которую нам оказали и—твердо надеемся—будут оказывать Отделы Союза Севера, начать издание „Северного Охотника“.

Редакция просит всех наших читателей помочь своими указаниями на те или иные недочеты и дефекты журнала, сделать наш журнал отвечающим интересам всей охотничьей массы Севера.

Редакция и Северное Областное Полномочное Представительство Ц. К. нашего Союза, органом которого является наш журнал, твердо верит, что „Северный Охотник“ при дружной поддержке всех северян-охотников не разделит общей печальной участи всех современных охотничьих журналов и пока охота на Севере будет играть в жизни жителей Севера ту роль, которую она играет сейчас, пока охотничьи организации на Севере существуют, не погибнет и наш „Северный Охотник“ и, по мере сил и возможности, будет обслуживать интересы охотников-Северян.

Редакция.

В лесу.

Я под шум зеленых елок
Так люблю бродить весной,
Когда зори на пригорок
Каплют золото росой.

И от птиц неугомонных
Месяц прячется в туман.

Чтобы скрыть от глаз влюбленных
Зорь и золота обман.

И весь лес, как в праздник пышный,
Звоном радостным гудит,
Тенью тайною манит
Под зеленой шапкой-крышей.

А. Субботин.

В знании — сила.

Охота и охотничий промысел существуют в России со времен седой старины. Когда-то на заре жизни Российского Государства, главным занятием почти всего населения тогдашней Руси была охота и весь почти товарообмен с „Варягами“ зиждился на русской пушнине.

Прошли столетия... Охота потеряла свое прежнее первенствующее значение, но она и до сих пор играла, играет и еще долгие годы будет играть крупную роль в экономической жизни нашего Государства.

И теперь еще охота является во многих местах нашего Севера крупным подспорьем к основному занятию сельского населения, а местами в особенности среди инородческих племен Севера и почти единственным средством к существованию.

Не будь охоты, по всей вероятности, эти племена были-бы обречены на вымирание.

Экономическое значение охоты в России велико—по вычислению специалистов ценность добываемых охотой продуктов, достигала в довоенное время колоссальной цифры 300 миллионов золотых рублей в год. По экспорту пушнины Россия занимала на международном пушном рынке первое место.

Казалось бы, что при таких условиях охоте должно было быть уделено большое внимание со стороны прежнего Русского Правительства, казалось бы, что Правительство должно было бы принять все меры если не к увеличению, то хоть к сохранению наших охотничьих богатств.

Но это только казалось и за последние перед войной годы объекты охоты—дичь и зверь—стали в ужасающей прогрессии уменьшаться в количестве и охотничий промысел стал почти повсеместно падать.

Причиной к этому, помимо общей инертности и близорукости царского правительства, служили и тот странный, ничем необъяснимый взгляд на охоту, не только среди тех или иных представителей царской власти, но и среди так называемого русского „общества“ и населения. „Охота—спорт“, „Охота—развлечение“, „Охота баловство“, „Охота—благороднейший из видов безделья“ (мудрое изречение известного историка проф. Егера) и т. д. и т. д. Наряду с этим и на объекты охоты существовал дикий, нелепый, ничем необъяснимый взгляд, особенно распространенный среди русского крестьянства: „Дичь—Ничья—Божья“. „На наш век хватит“. „Не я—так другой убьет“. „Никто ее не разводил и т. д.“.

И только немногие интеллигентные работники на охотничьем поприще понимали, что охота вовсе не баловство, а большое дело, да обиженные природой и людьми промысловые охотники Севера чувствовали, что для них охота—дело, что она для них кормилица и вовсе не баловство, а тяжелый, порой опасный труд.

Но разве на их мнение обращали тогда какое либо внимание: ведь даже наиболее близкий к ним охотник-интеллигент смотрел на них как на шустрячков, как на врагов и истребителей дичи и зверя и ничем другим кроме презрения их не дарил.

Великая Русская Революция, могучей волной прокатившаяся от Петрограда до самых глухих уголков России, смыла на своем победоносном пути многие старые, нелепые и дикие взгляды и искоренила многое, что вкоренялось веками.

Не прошла она бесследно и для охотничьих дел.

Там, где родилась Великая Революция—в красном Петрограде—родился и новый взгляд на охоту.

Возникший в 1917 году, Петроградский Союз Охотников, впервые, может быть, за всю русскую историю твердо заявил, что охота не баловство не только развлечение, но большое серьезное дело имеющее крупное государственное значение, и начал борьбу со старыми глубоко вкоренившимися взглядами на охоту.

Прошли года. Из маленькой Петроградской ячейки возник могучий Всероссийский Союз Охотников.

Ему удалось, правда, не без труда, доказать Советскому Правительству, что на охоту надлежит обратить серьезное внимание и удалось добиться также своей первенствующей роли в строительстве русского охотничьего дела.

На ряду с этим Союзу пришлось начать и другую работу—работу по искоренению нелепых старых взглядов на охоту и на культурное развитие русского охотника.

Судить сейчас о результатах упорной пятилетней работы еще трудно, но уже с уверенностью можно сказать, что сдвиг во взгляде на охоту уже произошел, что уже прививается хозяйственное отношение к охотничьему делу, что даже в самых глухих уголках охотники начинают учиться и начинают братья за упорядочения всего охотничьего дела.

Но сильна еще некультурность и косность русского охотника, сильны еще старые, веками вкоренившиеся взгляды.

Предстоит еще большая работа, еще много надо посеять на ниве охотничьего просвещения и еще долго ждать всхода посеянных семян.

Волею исторических событий русские охотники в лице их Всероссийского Союза должны принять самое горячее участие в строительстве на новых культурных началах русского охотничьего дела.

Русские охотники стали в настоящее время хозяевами охотничьего дела России.

Но для того, чтобы быть хорошим хозяином надо знать свое дело, чтобы быть избавленным от тех ошибок, которые порождает незнание и невежество.

К стыду нашему, многие даже ответственные работники Союза, еще бродят в потемках, еще ощупью отыскивают те пути, по которым должны идти строительство нашего дела.

Причиной этому незнание ими даже азбуки того дела, во главе которого они стоят.

Их роль не только руководить работой Союза но и учить тех, кто их выбирал, тому как нужно строить охотничье хозяйство.

„Незнание—не порок“, пишет в одной из своих статей известный охотовед и один из самых старейших

работников Союза Д. К. Соловьев.— „Но нежелание учиться, незнание основной азбуки охотоведения— явление недопустимое в рядах ответственных работников Союза“.

Он прав целиком...

Учиться всем—и рядовым Членам Союза и ответственным его работникам в особенности—необходимо...

Только тогда мы—охотники—можем встать хорошими хозяевами нашего дела, когда мы будем знать, как его вести и строить планы его организации не на основе наших личных взглядов и мнений, а на незыблемых основах науки.

Охотничье хозяйство должно строиться в России не с кондачка—слишком велико его значение в жизни Государства и населения—а на основах научных данных—в тесном содружестве Науки и Труда.

Учитесь же все, учите других, становитесь хорошими хозяевами.

В знании—наша сила. В знании—наше будущее.

Гр. Рахманин.

На медведя.

(Рассказ охотника).

На станцию, как и всегда, отвозил меня Панфилич. Это был маленький щупленький мужичек и замечателен был бабьим тоненьким голоском, да своей рыжеватой бородашкой. Казалось, на подбородке все волоски у него были взяты судьбой на учет и она ради смеху оставила ему волосков двенадцать.

Я знал, что он великий охотник на белку, а другой добычи он не признавал или упрямо избегал. Знал я и то, что он вопреки всяким традициям охотника, не любил рассказывать о своих подвигах. Мы обычно с ним толковали о крестьянстве, о ценах на хлеб и обо всем прочем, но только не об охоте.

И теперь я молча сидел в санях, кутаясь в воротник тулупа. По сторонам мелькали огоньки дальних деревень и тянулась снежная равнина. Иногда черной стеной виднелся лес и было грустно от этого пейзажа. Чувствовалось какое-то жуткое одиночество среди безмолвия зимней ночи. Казалось, умерло все и только мы с Панфиличем потерялись такие маленькие, незаметные среди этой снежной равнины. Вдруг Панфилич обернулся ко мне и, видимо, скорее отвечая на свои собственные мысли, чем обращаясь ко мне, сказал:

— „А у нас недавно медведя убили“.— „Ну“?—выразил я удивление не убитому медведю, а скорей тому, что мой ящик заговорил об охоте, да еще на медведя.

— „Давно“?—полюбопытствовал я.— „Не... С неделю назад“...

Мы помолчали снова, но, видимо, Панфиличу не терпелось и он заговорил вновь:

— „Ты думаешь я все время белку пуляю?... Нет, браток, и я хаживал на медведя“.

— „Да что ты“!

— „Право слово. Один раз ходил, а было этому делу лет, пожалуй, с двадцать. Только вышел и смех и грех. Ну, с той поры я векшу теперь уважаю. Раз ее, голубушку, одной пулькой и жисть наплевать“!

— „Расскажи про медведя то“—попросил я. Меня интересовало, как это Панфилич сражался с Топтыгином.

И он начал:

— „А дело, друг, было очень просто. Повалился к нам на овес „медвить“ ходить. Прямо житья не стало—весь овес обсосал. Мужики и так и этак,

а толку все нет. Вот и говорят мне:—ты, Панфилич, охотник—выручай мир. У тебя ружье и все, а мы с голыми кулаками.

Задор меня взял... Ах, мать честная, думаю—ладно. Ну-с так... У самого овсяного поля стояла елка, и как сейчас помню, под ней была куча камней сполос стаскана. Так вот и порешил я иттить на медведя. Собрался с вечер, зарядил двухстволку пулями, а сам мужикам ни гу-гу.

Думаю убью—похвала. Нет—ну так хоть сраму не будет. И вот, друг ты мой, залез я на эту елку самую сижую и думаю.—А вдруг не убью. Тут мне и смертенька. Однако духа не теряю и сам себя одобряю.—Молодец Панфилич! Один медведя не испужался. Ладно...

Ждал я долго, до свету. Шут его знает почему он не шел. Утро уж широко расцвело. Ну, думаю, не придет и пес с ним. Хотел было с елки спускаться... Ан глять, мой дорогой и жалует, черный, большой, не меньше коровы, право-слово, как махнет, через огород и прямо к снопам,—забрал сноп и сосет... Оторопь меня взяла—палить или не палить—думаю. Ну была, не была, Господи благослови. Приложился и... бац!... Да, по ошибке, братец, нажал оба курка. Как меня отдачейшибанет в плечо я с елки так кубарем и полетел прямехонько на каменя башкой. Думать некогда, вскочил свету не вижу, только заметил что ружьишко мое тоже о каменя проклятое переломлено... Тут, друг, не до ружья. Гляжу где медведь. А он перепугался не менее моего обратным ходом да в лес, а я и про ружье забыл, бегом, да в другую сторону. Унеси все святые!

Вот, брат, как поохотился—и теперь к погоде башка гудит.

— „Ну, а медведь?“—улыбаясь спросил я.

— „Шут его знает... Больше на овса не приходил, тоже перепугался видать“.

— „Значит теперь только за белкой охотишься“?—

— „Знамо дело... Медвиди не для моей шкуры сработаны“...

Панфилич чмокнул и хлестнул возжами лошадейку, которая сразу прибавила ходу.

Впереди виднелись фонари на станции железной дороги, а по бокам тянулось все еще одинокое, пустынное поле.

Петр Козлов.

Зимнее солнце.

Зимнее солнце не греет
С далеких холодных небес...
Скованный смертию чернеет
Наш старый таинственный лес.

Качаются сосны и ели—
Вершинами к солнцу стремясь,
Но солнца лучи их не грели,
Красою бездушной светясь...

Березы в парче белоснежной,
Как невесты в разбитых мечтах,

С красотой умирающей, бледной
Застывали в холодных лучах.

Уныло колеблются липы,
Их стволы чуть слышно скрипят...
И чудятся тяжкие всхлипы...
О солнце те липы скорбят.

Скованный смертию чернеет
Наш старый таинственный лес...
Зимнее солнце не греет
С далеких холодных небес.

А. Г. Лесноюрск

О чем говорят.

С чувством глубокого удовлетворения придется отметить, что охотники начали поговаривать и поговаривать усиленно о новых правилах производства охоты, утвержденных В. Ц. И. К. и Совнаркомом 29 августа 1922 года. С удовольствием это отмечается уже потому, что охотники на местах начали читать законы. Раньше ведь и этого не было, особенно у нас на Севере— в глухих местах. Несмотря на то, что старый закон об охоте существовал в течении нескольких десятков лет и, казалось бы, его должны были знать наизусть все охотники,—в действительности его знали, а тем более выполняли, очень немногие— преимущественно жители городов, да и то не все; что касается деревни, то из всего закона, узанного, кстати сказать, по наслышке, в памяти охотника-крестьянина запечатлелся разве только „Петров день“, который истолковывался, как день открытия охоты на все живое—от утенка до зайца включительно. Хищничество, т. е. намеренное нарушение охотничьих правил в счет не идет,—это всегда было, есть, к сожалению, кажется и будет. Нарушение правил было в данном случае с сознанием своей правоты—„законно“—в силу непонимания и незнания доподлинно самого закона.

Охотничье строительство в Союзы, начавшееся с 1917 года имело огромное влияние на культивирование охотника в смысле хотя бы правильного ознакомления его с охотничьими законами. Та, завязавшаяся при помощи Союза, связь с так называемым ранее „промышленником“, то общение с ним, какое было за эти годы, дало наглядные результаты в виде наблюдения за выполнением правил об охоте там, где ранее об этом даже и не думали. Наиболее сознательные охотники (а они есть везде) стали тяготеть к Союзной работе, вразумляя попутно своих более отсталых товарищей, а иногда и сами принимая непосредственное участие в работе Союза. Наконец, при помощи Союза охотники—члены его, стали правильно и своевременно информироваться о всех нововведениях в охотничьей жизни при помощи той, правда скромной, охотничьей литературы в виде очень редких журналов, издаваемых Губотделами Союза, а также и путем Известий Ц. К. Всероссийского Союза Охотников, которые свободно проникали в самые отдаленные местности России. Благодаря этому в изданных в июне месяце 22 г. правилах о сроках и способах охоты знают сейчас почти все охотники самых от-

даленных от центра мест и, со свойственной каждому человеку тенденцией, начинают критиковать их, высказывая при этом целый ряд новых суждений, прислушаться к которым бывает иногда очень полезно.

Вот об этой то критике охотников северян, их мнении и том впечатлении, какое произвели упомянутые правила и хочется сказать несколько слов, совершенно замалчивая в данном случае свое собственное мнение, высказываемое уже мною на охотничьих Съездах, а частично и на страницах охотничьих журналов.

Надо сказать, что главным предметом подобных разговоров служит весенняя охота, а также вопрос о нагонке гончих. Открытие летней охоты с 1-го августа никаких особых возражений не вызывало даже у охотников дальних районов в силу, очевидно, довольно солидных и понятных каждому причин.

Что же касается весенней охоты, то тут масса самых разнообразных толков, а порой и ожесточенных споров, имеющих зачастую в своей основе соблюдение личных интересов, отстаивание определенных сложившихся взглядов на ту или иную весеннюю охоту более излюбленную и т. д. При наблюдении таких дебатов всегда бываешь свидетелем таких сцен, когда две стороны до иступления спорят—одна защищая охоту, например, в тяге и обрушиваясь на убийственную якобы охоту на селезней, другая, с пеной у рта отстаивающая эту последнюю. При этом криков, а подчас и ругани, нет конца. Приводится миллион причин за и против и большею частью стороны расходятся каждая при своем убеждении. Это разговоры повседневной жизни охотника. На собраниях картина таже, разница только в том, что вместо двух лиц, повторением сто раз высказанных мотивов за и против, занимаются десятки, а иногда и сотни охотников. Сразу видно, что это нововведение стало охотника в расплах и несмотря на многолетнюю, казалось бы, подготовку о запрещении весенней охоты (вопрос дебатировался двадцать лет тому назад на страницах охотничьих журналов), он является все столь же новым и болным, как и прежде и даже частичное сокращение весенней охоты вызывает огромное недовольство среди охотников, граничащее с явными вызовами на браконьерство.

Судя из разговоров на эту тему можно подумать, что запрещение всей положительно охоты весной имело бы гораздо менее данных на предмет возражений со стороны охотников, нежели запрещение частичное, быющее в конечном итоге одну сторону меньшую количественно, но лучшую, бесспорно, в отношении качественном, ибо охотой весной в северных губерниях на водоплавающую и болотную дичь (гусь, лебедь, селезень, турухтан) занимаются преимущественно горожане, за исключением северных инородцев, промысляющих в тундрянскй полосе, действия которых в данном случае не регулируются правилами об охоте (ст. 15).

Кроме этого пункта, доводами со стороны обиженных упомянутыми правилами охотников служит и тот факт, что на Севере охота с круговой уткой совершенно неизвестна, за исключением губернских городов: Череповца, Вологды и Архангельска, где ею увлекается часть горожан. Что касается провинции, то прилетным объектом весенней охоты служит только разве гусь и лебедь, добываемые в микроскопических сравнительно размерах, доказательством чему служит хотя бы тот факт, что за всю весну 1922 года во всей Вологодской губернии вместе с озерным районом Череповецкой убито не более пятидесяти штук этой осторожной птицы. Короче говоря весенней охоты на гусей и лебедей, как таковой, на Севере нет; наблюдаются только лишь случайные, выстрелы по этой дичи. В губернии Северо-Двинской, а также и области Коми (зырянский край) весенняя охота на прилетную дичь не имеет никакого промыслового значения, ибо там местный охотник из-за промысловых же целей предпочитает заниматься в это время рыбной ловлей и сплавом леса, дающих ему солидный и единственный, пожалуй, заработок, отвлекающий совершенно его внимание от прилетных гостей.

Вот эти то доводы и целый ряд других, не менее может быть веских соображений, и ставят охотника северянина в недоумение и побуждают его к критике некоторых пунктов нового закона, совершенно непонятных для массы. Между прочим, во вреде весенней охоты на прилетную дичь никто не сомневается, как не сомневаются и в том, что весенняя охота и на местную дичь не менее вредна для охотничьего хозяйства. Что с запрещением весенней охоты на прилетную дичь усугубится вред весенней охоты на местную, то есть, что ее будет больше выбиваться, сейчас ясно для всех, так как число этих охотников возрастает за счет тех „гусятников“ и „селезятников“—охотников серьезных, умелых и энергичных, которые, наверное, не повесят на стенку своего ружья на все время весны. Особенно становится страшно за глухаринные тока, которые при создавшихся условиях могут быть совершенно уничтожены даже на Севере.

Нисколько не менее встревожило охотника и другое нововведение в упоминаемых правилах—онагонке гончих, запрещенной совершенно, если не считать двух льготных недель до открытия сезона осенней охоты. Число, заинтересованных этим вопросом, охотников увеличивается не только за счет г.г. Вятки, В. Устюга и всех почти уездных городов северных губерний, но и солидной цифрой охотников крестьян, не имеющих гончих, и заменяющих их нередко, ублюдками этой породы, а иногда и лайками.

Насколько этот параграф закона оказался неясным для массы охотника Севера, говорит тот факт, что даже горожане далеко не все верят и придают этому значение, принимая до сих пор за досадную опечатку. Что же после этого остается говорить про крестьянина, который в силу склада своего ума не всегда считает нужным разбираться в вопросах, совершенно ему непонятных, остающихся, зачастую, вне поля его внимания.

Каждому сознательному охотнику составляет теперь огромное удовольствие констатировать, что благодаря революционному периоду и связанной с ним союзной работе, сильно толкнувшим неповоротливый ум деревни, постепенно забывается пресловутый Петров день,—и охота на того же хотя бы зайца начинается с 15 сентября. Это уже огромный шаг в завоевании сознанием темного охотника, в изменении вкоренившихся дурных привычек. Это нужно ценить и поощрять, а не удивлять охотника новыми неожиданностями, не озлоблять его непонятными для него требованиями, дав ему спокойно сжиться с усвоенными уже им реформами и только после этого впитывать в него другие нововведения, вроде нагонки гончих—бесспорно правильного теоретически.

На практике получается картина несколько иная, имеющая кроме целого ряда неясностей и обратную сторону—страшный вред *ненаюки* гончих во время для собаководства. Касаться здесь всех высказываемых охотниками возражений и различных толкований против задетой статьи охотничьих правил, считаю невозможным, вследствие обилия оных. Резюмирую все эти прения в одну фразу, очень часто повторяемую теперь охотниками:—быть или не быть гончим собакам.—Настолько в данном случае близко столкнулись два вопроса:—вред охотничьему хозяйству от несвоевременной нагонки гончих и безусловный вред собаководству (гончих) от недостаточной нагонки собак в момент их вырождения.

Вот о чем шумно и много говорят северяне в длинные зимние вечера, с непонятным для южанина нетерпением ожидающие первых проблесков, весны, дающей столько радостей и удовольствия, как бы в награду, за вынужденную полугодовую почти „безработицу“. Валентов.

Б а с н я .

„Тов. Охотники, записывайтесь в свой Союз и тем укрепляйте Его“.

Мужик Панфил
Охотником примерным был,
Но этот пожилой чудак
Беседовал примерно так:

—„Уж сколько лет на свете я прожил,
Но до сих пор в союз все не вступил.
И так, охотником я опытным зовусь—
На что мне Ваш Союз?“

Однако времена мгновенно изменились,
 Где жил Панфил, волков премного появилось.
 Сначала за собак они взялись,
 А дальше резать скот жестоко принялись...
 От горя взвыли крепко мужики—
 Убытки были очень велики.
 И стали думать и гадать:
 Как волчью стаю отогнать.
 И вот к Панфилу обратились:
 — „Сосед! Совсем мы с толку сбились,
 Охотник ты большой,
 А мы измучились и сердцем и душой.
 Скорей, брат, выручай
 И от скота волков подальше отучай!
 И вот Панфил
 Что было сил
 Ударил на волков,
 А результат—таков:

Убил он штуки три,
 А их не убыло—. Ах шут их побери!“
 Панфил тут разсудил,—
 „Моих не хватит сил,
 Напрасно я стрельбой своей хвалюсь,
 Не миновать—пойду в Союз“.
 Он так и поступил.
 А чрез неделю о волках любой забыл.
 Охотники облавой собрались
 И за зверей безжалостно взялись
 И разогнали всех...
 Охотничий полнейший был успех.

Охотник! Зря стрельбою не хвалился—
 В Союз немедленно ты лучше запишися
 И памятью—один не воин в поле ты.
 Учись! А пользы мало от одной мечты.

Сидор Небогатый.

Пушторг.

В довоенные годы Россия занимала в мировой торговле пушниной почетное место, оспаривая первенство у Америки. В 1910 году Азия дала пушнины для мирового рынка на сумму 55.000.000 р., Америка—50.000.000 р., Австралия—12.500.000 р., Африка—4.500.000 р. и Европа—4.000.000 р. Значительная часть европейской пушнины и почти вся азиатская—добывались в России. Пушнина скапливалась, преимущественно, в Германии (Лейпциг), куда шло и русской пушнины почти $\frac{3}{4}$ всего сбора. Америка работала скорее параллельно с Россией, нежели конкурировала: Россия вывозила, преимущественно, белку, зайца, хорька, песца и горностая, Америка же—опоссума, скунса, выхухоля и выдру.

В настоящее время европейский и американский пушной рынок возрождаются, цены достигли довоенного уровня, возрождается Лейпцигское торжище и на ряду с ним энергично работает Лондон и некоторые Американские рынки. Место России осталось незамещенным.

Американско-Европейский рынок в состоянии поглотить всю нашу пушнину, хотя бы в довоенной наличности. Появление первых партий русского пушного товара на заграничных рынках было встречено весьма благоприятно.

Однако добыча зверя за последние годы в России сильно сократилась.

В 1913 году в России было добыто свыше 20 000.000 шкурок на сумму более чем в 34.000.000 р. Почти 80% шкурок добыто в Сибири. На долю Европейской России приходится—4.000.000 шкурок,—при чем половина этого количества получена в северных губерниях. Особенно много добыто было белки—12.000.000 шкурок (на севере больше 10%) и зайца 2,350.000 ш. (на севере больше $\frac{1}{3}$), далее идут: кошка—1.200 000 штук, сурок 1 500.000 штук, белый хорь 1.000.000 штук и, наконец, горностай свыше 400.000 штук (около $\frac{1}{4}$ опять таки в северных губерниях Европейской России),—наоборот, в очень малых количествах добывались выдра, рысь, росомаха и медведь (2000—3000 шкурок).

Почти все это огромное богатство вывозилось за-границу, внутри России много потреблялось только кошки, сурка и зайчины ($\frac{3}{4}$ добычи), да половина бухарского каракуля (сбор 1.500 000 шкурок ежегодно), внутри страны оставалось также почти $\frac{1}{4}$ беличьих шкурок.

В последние годы перед европейской войной добыча зверя (особенно ценного зверя) начала сильно сокращаться,—например, поступление на рынок соболя, песца, горностая, бобра и котика сократилось почти втрое,—и почти совершенно исчезла в товарообмене чернубрая лиса.

Это печальное явление объясняется хищническим истреблением зверя малокультурными охотниками (особенно полудикими сибирскими инородцами).

Годы войны наоборот приумножили зверя в необъятных русских лесах, так как усиленные призывы в армию сократили весьма значительное число охотников, а с другой стороны торговля, в том числе и пушная, подвергается резкому сокращению. Усиленная охота возобновляется лишь в 1918 году с демобилизацией армии.

Об оживлении в деле пушного промысла красноречиво свидетельствует скупка пушнины в 1919 г. (скупка была вольная, без твердых цен),—в этом году было собрано 6 $\frac{1}{4}$ милл. шкурок, т. е. 30% довоенного сбора. Скупались преимущественно малоценные шкурки,—ценные меха охотники продавали неохотно (собрано не больше 10% довоенной нормы).

Однако возрождение пушного промысла было задержано правительственной монополией на пушнину. В сезон 1920—21 годов охотники обязаны были сдавать шкурки в казну по очень низким твердым ценам. Население ответило на монополию небывалым (даже в годы войны) сокращением промысла. Правительству удалось собрать в этот сезон немного больше $\frac{1}{10}$ нормы довоенного поступления пушнины на рынок и то, по большей части, из старых запасов (улов в этом сезоне исчисляется в 5% довоенного). Больше всего удалось собрать песца (50% довоенной нормы), лисы (22%) и гор-

востая (20%). остальное поступало в ничтожном количестве: колонок 5%, крестоватик 1,5%, куница 4%, соболь тоже 4% и т. д.

В этом году монополия отменена—население продает шкурки убитых зверей кому хочет и по вольным ценам.

Надо полагать, что если в этом году сбор и не дойдет до довоенной нормы, то во всяком случае будет весьма высок.

Обстоятельства этому благоприятствуют: охотнику дают за его товар хорошую цену, число охотников с прекращением войны возросло, количество зверя в лесу и в поле за годы войны также возросло, товарный рынок возрождается.

Результаты сбора пушнины в этом году несомненно увеличат, если и не возродят, и наше значение на общемировом пушном рынке.

В. Шилов.

З и м а.

Побелело вокруг. Торжествует зима...
Спит природа, об'ятая сном,
На деревьях висит снеговая кайма,
Крепко реки закованы льдом.
Быстро лыжи скользят... Шаловливый мороз
Ходит по полю с грозной клюкой:
То он уши щипнет, то он хватит за нос.
о займется шалить со щекой...

Вот следок замелькал,—русачишко прошел;
Лыжи тише скользят... Вот, к нему подошел:
Ей беги-ка скорее дружок!—
Поднимая снежок, полетел он стрелой
И свой кустик любимый забыл;
Быстро спущен курок и свалился косой.
Верный выстрел его уложил.

Ник. Оглобин.

Братский привет охотникам от рыбаков.

„Твой дед и мой дед на одном солнышке портянки сушили“ — так измеряет дальнее родство русская шутка-прибаутка.

Солнце одинаково сушит и ласково греет близких и дальних, врагов и друзей, но солнечное счастье эгоистично и редко сближает людей.

Только в нужде и беде узнается истинный друг.

Вот на берегу реки, перед костром, сидят и сушат свои намокшие портянки другие два деда; один из них заядлый рыбак, а другой—страстный охотник.

Послушайте их забористую ругань по поводу совместной поездки на лодке-душегубке и совместного „крещения во Иордани“—и вы заранее почувствуете и догадаетесь, что дело кончится у них взаимным угощением табачком, уцелевшим у одного, и живительной влагой из заветной фляги другого; а далее последует уха и охотничьи рассказы о том, как охотник „необыкновенно“ удачно бил из ружья нерестующую щуку, а рыбак „однажды“ вытащил глубоко нырнувшую и запутавшуюся в охане, утку;

и, наконец, обоих одолеет мирный сон у костра-примирителя.

Любовь к природе—благородная страсть, общие интересы, нужды и приключения глубоко и крепко сроднили двух закадычных и неразлучных приятелей.

Дружно жили между собой Вологодские охотники и рыбаки, делились горестями и радостями, на одном печатном листе совместного журнала изливали свои мечты, думы и надежды в стихах и прозе.

Но вот стряслась лиха беда, Пришел жестокий НЭП и придушил журнал „Охота и Рыболовство“.

Скучно было Вологодским рыбакам в невольной разлуке с охотниками. Скучно, вероятно, стало и охотникам без рыбаков.

Целые полгода не вели дружеской беседы,—и наконец-таки снова встретились на страницах уже не вологодского, а Северного областного охотничьего журнала.

Привет Вам, дорогие товарищи-охотники! Обогреемся и побеседуем у общего нашего костра.

В. Суровцов.

Аренда водоемов.

(Вологодская губерния).

Больной для вологодского рыбака вопрос об арендной плате за пользование государственными рыболовными угодьями имеет свою историю, с которой необходимо считаться при решении этого сложного вопроса.

В целях восстановления исторической перспективы, выяснения историко-экономических предпосылок и правильного освещения современного положения вопроса сделаем беглый обзор практиковавшихся в прежние времена систем, принципов и ставок арендной платы и тех результатов, какие дала старая практика*).

*) См. Русская Старина за 1883 г. том XXXIX.

Сохранился указ 1760 года об отмене оказавшейся несостоятельной системы сбора казенных доходов с рыбных ловель хозяйственным способом через специальных агентов фиска, „верных сборщиков“ и о сдаче сбора доходов от рыбных ловель и конских таможен по Вологодской губернии на откуп частному предпринимателю—Костромскому купцу Денисову за 812 руб. 98 коп., в год.

Новая откупная система должна была гарантировать казне определенную сумму чистого дохода и избавляла ее от организационных и накладных расходов по содержанию агентуры, а также и от тех злоупотреблений, которые допускались ве-

роятно прежними „верными сборщиками“ казенных доходов.

Права купца Денисова были ограничены контрактом в том отношении, что ему предоставлялось собирать доходы только с тех рыбных ловель и водоемов, где раньше „верными сборщиками собиралось“, а прочие водоемы оставались в свободном пользовании граждан.

Доходы от конских таможен, т. е. пошлины при сделках по продаже и мене лошадей, объявлены были монополией купца Денисова. Судя по этому, последний платил за право эксплуатации рыбных угодий только незначительную сумму из общей ставки контракта в 812 р. 98 к.

Успешность сборов была вполне обеспечена купцу Денисову контрактом, так как Указ предоставлял откупщику большие привилегии и содействие местной администрации и вооруженных отрядов.

Несмотря на это, откупная система оказалась тоже непрактичной и очень недолговечной и водоемы Вологодской губернии в дальнейшем (в конце XVIII и в XIX веке) были свободны от обложения в пользу казны.

Исключение составили озеро Воже-Чарондское и соседние с ним малые озера, принадлежавшие Удельному Ведомству и эксплуатировавшиеся последним в качестве оброчных статей. Бекетовское удельное имение, в ведении которого до 1892 года были все рыбные угодья Воже-Чарондского района, сдавало эти оброчные статьи в пользование местным крестьянам, делая значительную скидку с номинальной расценки или оброчного оклада статьи.

Обычно крестьяне двух-трех соседних приходо для переговоров и расчетов с управляющим Бекетовского имения выбирали из своей среды уполномоченного. Последний, договорившись с управляющим о цене той или иной оброчной статьи, вносил оброк за всех из собственных средств, а затем делал раскладку, собирая копеек по 10 с рыбака или со двора. На этом деле сборщик зарабатывал не менее 50% на затраченный капитал. Ставки оброка были незначительны и Бекетовское имение выручало в среднем за год около 200 рублей (в 1870 г.—210 р) со всех своих рыболовных угодий.

Руководящим принципом хозяйственной политики удельного ведомства в данном случае был взгляд на местный рыбный промысел, как на вспомогательный источник доходов Удела и подсобное занятие для земледельца. Таким взглядом проникнуты все узаконения того времени относительно оброчных статей. Министерство Земледелия и Удельное Ведомство стремились содействовать благосостоянию крестьян за счет казенных земель и угодий, допуская в этом отношении всевозможные льготы.

Впоследствии для сбора оброка и надзора за рыбаками был назначен специальный надзиратель, которому выплачивалось вознаграждение из собранных сумм.

С 1892 года в целях сокращения расходов и увеличения доходов производиться ряд реформ.

Упраздняется должность специального надзирателя, а сбор доходов и надзор за рыбаками возлагаются на лесных смотрителей приозерных удельных имений. В целях облегчения надзора оброчные статьи распределяются между пятью удельными

имениями, а озеро Воже делится на пять участков, составляющих самостоятельные оброчные статьи.

Для увеличения выручки и урегулирования производства сборов арендной платы за пользование водоемами вводится билетная система. Водоемы остаются в хозяйственном заведывании удельных имений, а рыбакам предоставляется право пользоваться рыболовными угодьями по годичным билетам различной стоимости, смотря по месту лова и мощности снастей. Зимний неводчик должен был платить за билет 3 руб., летний—1 р. 50 к. и вертал 75 коп., по реке Свида рыбаки всех категорий—75 к. и т. д.

Необходимо отметить, что при билетной системе оброчные статьи по-прежнему расценивались официально определенными окладами оброка, но на практике выручка за билеты никогда не достигала номинальной суммы оклада. Самый обширный и богатый рыбой участок озеро Воже, принадлежавший Бекетовскому имению расценивался как оброчная статья окладом в 3000 рублей, тогда как выручка за билеты на право пользования этим угодьем достигла в 1913 году максимальной цифры 282 руб. По другим статьям разница между оброчным окладом и фактической выручкой за билеты была громадной.

Практика показала, что неорганизованные рыбаки не в состоянии были брать в аренду целые рыболовные угодья и выплачивать за пользование ими по твердым ставкам казенных оброчных окладов, в виду чего удельное ведомство и вынуждено было применить более подвижную и гибкую систему годичных билетов. Большими преимуществами билетной системы были добровольный характер выборки рыбаками билетов, и расценки билетов более или менее соответствовавшая категориям и мощности рыбаков.

Рыбный промысел был необязательным, а добровольным занятием и взять билет,—не значило по пасть навсегда в регистрационные списки с обязательством ежегодно отбывать повинности рыбацкого звания. Если рыбак находил себе другое более выгодное занятие, то не брал билета и не производил промысла.

Гибкость билетной системы вполне соответствовала неустойчивому и непостоянному характеру промысла. Последний был для местного хлебороба вспомогательным занятием. В зависимости от состояния своего хозяйства, урожая или неурожая и по целому ряду других причин крестьянин то бросал рыбный промысел, то вновь начинал ловить то ловил вершами, то обзаводился неводом и т. д. Как видно из официального отчета управляющего Бекетовским имением число рыбаков, выбравших у него билеты за 6 лет с 1908 по 1914 год было очень не постоянным и колебалось по годам так 85—77—148—105—91—130 человек. В 1911 году 100 рыбаков берут дорогие билеты на невода и 5 человек на более дешевую снасть, а в предыдущем 1910 году наоборот,—крупных рыбаков значилось 58 человек и мелких—90.

Что касается валовой выручки за билеты, то она была невелика. За шесть лет (с 1908 по 1914 г.) Бекетовское имение, в хозяйственном заведывании которого находились лучшие рыболовные угодья, выручило за билеты всего 1383 рубля, т. е. в переводе на продукты рыбного промысла (по тогдаш-

ним местным ценам на рыбу—2 рубля пуд щуки) стоимость 691 пуда 20 фунтов щуки.

Чистый доход был еще меньше, так как кроме организационных и накладных расходов*), из валовой выручки делались отчисления местному земству на общекультурные мероприятия.

Интересно сопоставить цифры номинальных окладов оброчных статей Удельного Ведомства (за 1894 г.) с современными (за 1922 г.) ставками арендной платы. Все озеро Воже (5 оброчных статей) расценивалось Удѣлами в 400, рублей) т. е. другими словами оно должно было давать стои-

мость 200 пудов щуки в год. В нынешнем 1922 году рыбаки озера Воже должны сдать Вологодскому и Череповецкому Губпродкомам 1900 пудов рыбы среднего сортаменту окунь и сорога от $\frac{1}{4}$ до 1 фунта, что в переводе по эквиваленту Губпродкома составит 1520 пудов щуки.

Цифры говорят сами за себя. Резкая разница довоенного и современного состояния земледельческого и всех других промыслов общеизвестна. Результаты повышения при таких экономических условиях арендной платы за водоемы увидим дальше.

В. Суворцев.

(Продолжение следует).

Сказка.

Про мужа, чертей и пушнину.

Поехал раз мужик в город пушнину продавать. Только въехал в город, как подбегает к нему чорт. Худой этакой чертяка, заморенный, шерсть с проплешинами, морда тряпкой перевязана—флюс.

Дрожит бедняга от холоду, с ноги на ногу переминается.

Остановил мужика, говорит:—мужик, а, мужик. Продай пушнину.

Удивился мужик. Спрашивает: На кой чорт тебе, чертяке, пушнина. Шубу, отвечает, буду себе шить. Видишь, своя вся расплзлась по всем швам. Ну, стали мужик с чортом торговаться.

Только бы им по рукам ударить,—глядь,—подбегает еще чертяка, тощее первого.

Кричит:—Мужик! Продай пушнину.—А на кой тебе чорт пушнина.

Шубу шить.—Ишь вы черти как ноне обносились. Ладно.

Ежели дашь больше своего товарища—твоя пушнина.

Не успел он это вымолвить, смотрит,—третий чертяка подскочил.

А за ним четвертый. За четвертым—пятый. Один тощее другого. И все в один голос:—Мужик. Мужик. Мужик. Продай пушнину.

Удивился мужик. А сам про себя смекает:—Ладно. Стравлю ка я чертей. Пусть набивают цену. Мне же на руку. Заберу я чортовы денежки,—жене самовар куплю. Праздник справлю.

Подумал он так то да и говорит:—Вот что ребята. Вижу я товар мой вам всем больно надобен, а товару у меня мало. Давайте устроим брат-

цы торги. Кто больше надает, тому и товар. Так и порешили.—Ну так вот чертеняжки. Первый ваш товарищ надавал сто лимонов. Кто больше. Сто лимонов раз. Сто лимонов два...

—Сто пять... —Сто пять раз... Сто пять... —Сто десять. Пошло дело в ход. Разъярились черти так и прыгают цену набивают. Радуетя мужик шуки потирает.

Не только самоваром, а уж грамофоном запахло.

Тут один чертяка подбежал к мужику с бочку да ему на ухо:—Товарищ. Вижу озяб ты. Не хочешь ли погреться. Пивка испить. Есть у меня пиво первостатейное, крепости довоенного времени.

—Что ж,—отвечает мужик,—пиво вещь не вредная. Давай. А уж у чертяки пиво тут как тут. Нацедил ковш, поднес мужику.—Пей.

Выпил мужик. В голову ударило. А черти все скачут, цены набивают. Опрокинул мужик еще два ковшика. Совсем захмелел.

—Д.. два мил.. миллиарда р.. раз.

А уж черти прямо в глаза лезут.

Мужик тоже в раж вошел. Хлебнул еще из ковшика.

—Тр-р-ри миллиарда р-р-раз.

Очнулся мужик, когда совсем задрог от холода.

Видит: нет ни чертей, ни пушнины, ни лошади, ни саней.

А сам он лежит пьяный-распьянный под забором. Тут и сказке конец. Так-то вот думал мужик чертей надуть—да где...

Виданное-ли дело чтобы чорт когда в дураках оставался.

Нэл.

У Рыбаков.

С'езды.

В декабре минувшего 1922 года состоялись три районных собрания уполномоченных рыбопромыш-

*) Примечание: По справке Кучина, в 1899 году, поступило в доход Удельного Ведомства по всему району—795 рублей, из них уплачено смотрителю—218 рублей. В 1900 году уплачено надзирателю—358 рублей. (Рыболовство на Белозере, Воже и др. стр. 130).

ленных трудовых артелей—по Каргопольскому району—10 декабря, по Воже-Чарондскому—17 декабря, по Кубенскому—24 декабря и 27 декабря С'езды уполномоченных артелей, производящих лов на затонах по р.р. Вологде и Сухоне.

Правлением Губсоюза были поставлены на повестку районных собраний Уполномоченных воп-

росы об аренде водоемов на 1923 год и информационные доклады о переговорах Губправления о совместной контактной работе Союза с другими кооперативными организациями, в частности с Северосоюзом и Ц. К. Союза Охотников.

В виду обременительности ставок арендной платы за 1922 год для рыбаков и непроизводительной затраты сил и средств Союза при сборе аренды за право пользования водоемами, Собрание Уполномоченных Каргопольского района постановило воздержаться от заключения арендного договора на 1923 год.

Собрание Уполномоченных Воже-Чарондского и Кубенского районов признали возможным заключение арендных договоров на местные водоемы только при условии снижения арендных ставок до минимума, так как ставки 1922 года оказались непосильными для рыбаков.

Подводя итоги за 1922 год уполномоченные всех районов констатировали, что истекший год по целому ряду неблагоприятных, стихийных условий оказался чрезвычайно неудачным. Лучший весенний сезон и первая наиболее продуктивная половина зимнего сезона пропали.

Весной при необычайно половодьи рыба нерестилась в недоступных для лова местах—в лесах, среди кустарников и кочек.

С наступлением зимы при позднем замерзании озер первые обильные выпадения снега завалили озера и образовали на дне их громадные груды (шакши) и валы, плотно сбитые волнением. Первый тонкий лед был взломан бурями и окончательно загромоздил озера.

Были случаи, когда неводчики бились по двое суток, вытаскивая, застрявший в снеговых кучах, невод.

Ввиду отмеченных неблагоприятных стихийных условий, а также голода, постигшего Каргопольский уезд, районные собрания Уполномоченных

поручили Правлению Губрыбпромсоюза ходатайствовать перед Губпродкомом и Главрыбой о возможном снижении арендной платы за пользование водоемами в минувшем году.

Информационные доклады о ведущихся Губправлением Союза переговорах о тесной контактной работе с другими кооперативными организациями встретили со стороны районных съездов полное одобрение.

Правлению Союза поручено довести переговоры до конца и результаты их доложить предстоящему Губернскому собранию Уполномоченных для окончательного решения поднятых вопросов.

Съезд представителей артелей, производящих рыбный промысел на затонах, созванный 27 декабря 1922 года для решения вопросов об аренде затонов на 1923 год, еще раз выявил полную солидарность и союзную дисциплину затонщиков. Положительные результаты кооперативной солидарности сказались на следующий же день 28 декабря на публичных торгах, устроенных Губпродкомом.

Попытки выступивших на торгах частных лиц, отбить у рыбацких артелей затоны окончились полным поражением. Набить цены и взять лучшие затоны единоличным конкурентам не удалось.

Правление Губрыбпромсоюза сторговало разом все 16 затонов за прошлогоднюю ставку 1,100 пудов рыбы, что не в силах были сделать частные лица.

Результаты торгов представлены Губпродкомом на утверждение Губэконо. Надо полагать, что вопрос об аренде затонов разрешится и в этой инстанции в положительном для союза рыбаков смысле, так как на заседании от 29 ноября 1922 г. Губэконо постановило: при сдаче затонов с публичных торгов при равных прочих условиях дать преимущество союзу рыбаков, как кооперативной организации.

По Северу.

Череповец.

Череповецкий Губотдел организованный в 1918 г., подвергался за это время большим колебаниям в отношении замиранья и оживления своей деятельности.

Главной причиной следует считать то, что руководители Союза работают в большинстве случаев при условиях совместительства и вследствие этого не могут уделять должного внимания Союзной работе.

В настоящее время могут быть отнесены к благополучным в охотничьем строительстве следующие уезды губернии: Череповецкий, Устюженский и Тихвинский. Уезды Белозерский и Кирилловский переживают кризис и охотничья жизнь в них замерла.

При Губотделе имеется охотничий кооператив дающий возможность охотникам получать товар им нужные по ценам значительно ниже рыночных

Великий Устюг.

Северо-Двинский Губотдел в настоящее время вследствие полного его развала ликвидирован и все функции его по охотничьему делу взяло на себя Северное Областное Полномочное Представительство Ц. К. В. С. О.

Придется много поработать, дабы восстановить союзную работу в Северо-Двинской губернии весьма интересной в промышленном значении. Придется, может быть, как это не жаль, применить самые сильные репрессии к охотникам Устюжанам, чтобы побудить их вновь сорганизоваться. Даже городского Союза в г. Устюге сейчас нет, что сви

детельствует о необычайной вялости охотника-горожанина.

Во всей губернии уцелело только два отдела Союза на местах: Котласский и Никольский, чудом сохранившиеся от чрезмерно „живой“ деятельности бывших руководителей Губотдела.

Огромный интерес не только для Севера составляет лисопитомник близ города В.-Устюга, сохранившийся до настоящего момента, благодаря вмешательству Представительства, командированного своевременно туда своего уполномоченного.

Архангельск.

Умерший было Архангельский Губотдел Союза с осени 1922 года вновь оживился и в настоящее время развивает свою деятельность главным образом кооперативного свойства. На 1-е ноября 1922 года Губотдел объединял снова восемь уездов с 43-м волостными отделами. Осенью Губотдел провел большую организационную работу: регистрация членов, оружия, собак, организация новых волотделов, сбор членских взносов, анкеты о жизни охотничьей фауны, рассылка правил об охоте, наблюдение за браконьерством, разбивка губернии на районы (промысловые и непромысловые) и проч. Энергичную деятельность в Архангельске развивает также и городской отдел; в числе хозяйственно-финансовых мероприятий последнего любопытно отметить проект выпуска внутреннего охотничьего займа для извлечения средств для торговых операций.

По области Коми.

Работу Автономно-Областного Отдела Коми В. П. С. О. в деле охотничьего строительства в настоящий момент не представляется возможным учесть за отсутствием данных. Страшная отдаленность, при невозможных путях сообщения, совершенно отрывает его от „мира“. Достаточно сказать, что корреспонденция из Устьсысольска до Вологды идет около месяца. Все получаемые сведения невольно становятся запоздалыми. Областной Отдел ведет сейчас скупку пушнины по области. Конкурирующими ему организациями являются местные: Хлебопродукт, Торговое Товарищество, Обсоюз Кооперативов, Продком и другие.

По Вологодской губернии.

Вологодский Губотдел ведет борьбу за существование в невероятно тяжелых условиях современности. Почти все волостные ячейки распались. Уездные отделы прозябают,—деловая связь с ними губернского центра слабая,—торговые соглашения с ними Губотдела более чем на 50% кончились неудачей. Торговая работа Губотделом ведется

исключительно на Вологодском рынке; скупается пушнина по договору и на средства Госторга (договор уже выполнен). Магазин Губотдела продает охотничье оружие и припасы, а иногда и другие товары, полученные для продажи на комиссионных началах. Торговля идет слабо. Из предприятий Губотдела работают чудельно-препарировочная и ружейная мастерские. Ветеринарная лечебница закрыта. При Губотделе сконструирован Т. Х. С., проявляющий большую подвижность и зарекомендовавший себя, как необходимейший орган Союза.

Пушной рынок. В текущий сезон самый ходовой товар на местном пушном рынке—лиса, в большом спросе белка, но в малом предложении (неурожай), много куницы и норки; зайчина покупается слабее. Скупку белки надо считать уже законченной,—крупного зверя будет еще не мало.

Тяга в Вологду. Охотники избегают продавать свою добычу на местах, или же запрашивают немверно высокую цену,—все идут и едут в Вологду, где зачастую не получают и той цены, которую давали на месте.

Рост цен. За полгода на Вологодском рынке цены на пушнину выросли почти на 400%. Явление это объясняется тремя причинами: стремлением продавца взять довоенную цену, ожесточенной конкуренцией и, конечно, обезценением рубля.

Скупка пушнины. За первую половину текущего пушного сезона на Вологодских рынках учреждениями и организациями скуплено свыше 50.000 штук шкурок. Из них—30.000 единиц Госторгом, 8.000—Губотделом В. П. С. О., 7.000—Северосоюзом, 6.000—Пепо и 2.500—Хлебопродуктом.

Выделанная пушнина. Охотники часто предлагают на местном рынке уже выделанную кустарным путем пушнину, думая получить за нее больше, но на деле выходит обратно—такая пушнина разценивается ниже, так как за границей ее не берут.

Минчане-контробандисты. Как это не странно, но в Вологде появились контробандисты. За границей усиленный спрос на белку, на нее там мода, а у нас в этом году неурожай белки. И вот население пограничных с Польшей городов преимущественно из Минска скупает на Вологодских базарах беличьей шкурки и безданно, безпошлинно „экспортирует“ их за границу.

„Недогулявший“ зверь. До 20% обращаемой на рынках пушнины, падает на молодого, „недогулявшего“ зверя. Ловля такого зверя ведет, во первых, к его уничтожению, а во вторых, шкурки такого зверя и малоценны. Учитывая эти обстоятельства Архангельский Губисполком воспретил даже скупку такой пушнины.

15 августа 1923 года в Москве открывается Всероссийская Сельско-Хозяйственная и Кустарно-Промысловая Выставка.

Наш Союз принимает в ней самое горячее участие.

Отделы Союза Севера! Северное Областное Полномочное Представительство Ц. К., олицетворяя собою весь Промыслово-Охотничий Союзный Север, призывает Вас принять в этой выставке самое горячее и деятельное участие.

Немедленно собирайте матерьялы, высылайте список и описание Ваших экспонатов в Представительство.

Запрашивайте и сообщайте о всей Вашей работе Представительству.

Охотничий Север велик и интересен.

Каждый самый глухой, самый его отдаленный уголок должен быть представлен на выставке.

Промыслово-Охотничий Север должно занять первое место в охотничьем отделе Выставки.

По постановлению Выставочного Комитета Выставка открывается 15 августа в окрестностях Москвы. Этой выставке, являющейся грандиозным смотром всех производительных сил нашей Республики, выставке, подобной которой не видел еще до настоящего времени весь мир, суждено сыграть огромную роль в жизни всех организаций Республики, и в том числе и нашего Союза.

Союз должен напрочь все свои силы, должен употребить все старания к тому, чтобы на этой выставке охотничье дело, в самом широком смысле этого понятия, всех уголков необъятной Российской Республики было представлено.

Ц. К. Союза уже начал подготовительную работу, Представитель Ц. К. нашего Союза уже участвует в работе Выст. Комитета, но, конечно, успех участия всего нашего Союза на выставке прежде всего зависит от того, как отзовутся Отделы Союза на тот призыв Ц. К., который, по всей вероятности, будет напечатан в ближайшем номере наших „Известий“.

Север—всегда служивший опорой всей работе нашего Союза—должен напрочь все силы к тому, чтобы еще раз оправдать свою заслуженную репутацию „фундамента всего Союзного здания“ и собрав в наибольшем количестве наиболее ценный и интересный матерьял, занять в охотничьем Отделе Выставки первое место.

Далекий Север—один из самых богатых и интереснейших промыслово-охотничьих районов Республики—срок открытия выставки далек, но немала предстоящая работа, и поэтому, чтобы собрать матерьял на выставку, нужно немедленно приниматься за работу.

Торопитесь же Северяне, немедленно принимайтесь за подготовительную работу—первое место в охотничьем Отделе Выставки еще пустует... оно ждет Тебя Север.

Почтовый ящик.

(Вопросы читателей и ответы, корреспонденции с мест)

В настоящем номере этот отдел журнала остается незаполненным.

Редакция просит всех читателей обращаться к ней по всем вопросам, интересующим охотника (оружие, собаководство, охотн. хозяйство и т. д.), на которые будут даваться самые полные исчерпывающие ответы известнейшими специалистами.

Вопросы и отчеты имеющие общий интерес будут печататься в журнале, на остальные же редакция будет отвечать почтой.

Просьба прилагать при письме почтовые марки на ответ.

Просьба также присылать корреспонденции с мест, рисующие положение охотничьего и союзного дела на местах.

От редакции.

Редакция предполагала выпустить первый же номер журнала в оригинальной охотничьей, художественно-выполненной художником Сысоевым, обложке, но к глубочайшему сожалению, сданный в литографию Северосоюза для воспроизведения, рисунок был испорчен литографией и, нежелая задерживать выпуска из печати первого номера, Редакции пришлось выпустить его в самой скромной обложке.

Следующие номера журнала будут выпускаться в новой обложке работы худ. Сысоева, клише которой, вследствие выяснившейся невозможности изготовления его в Вологде, сдано для изготовления в Петроград.

В дальнейшем Редакция предполагает выпускать журнал с иллюстрациями в тексте за счет общего увеличения объема журнала.

Редакция.

Отв. Редактор: Гр. Рахманин.

Адрес редакции и конторы: Улица Урицкого 6, тел. 489. Издатель: Севпрдцекохот.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

ГЛАВРЫБЫ

Площадь свободы, Ярмарочный дом тел. 217.

ПРОДАЕТСЯ:

СЕМГА, ТРЕСКА, СОЙДА, ПИКША, СЕЛЕДКИ СВЕЖИЕ И СОЛЕННЫЕ, СВЕЖАЯ РЫБА РАЗНЫХ СОРТОВ, РЫБНЫЕ КОНСЕРВЫ И КОПЧЕНАЯ РЫБА В ЛЮБОМ КОЛИЧЕСТВЕ.

**ВОЛОГОДСКОЕ ЕДИНОЕ ГУБЕРНСКОЕ ВОЕННО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
(ВОЛГУБВПО) (Бывшее ВКО).**

Правление помещается гор. Вологда Советский пр. д. № 18, телеф. № 329.

СВОБОДНАЯ ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА.

Магазин № 1.

Советский проспект д. № 18.

ХЛЕБНО - БАКАЛЕЙНЫЕ, КОЛО-
НИАЛЬНЫЕ и ГАЛАНТЕРЕЙНЫЕ
ТОВАРЫ.

Магазин № 2.

Советская площадь под Ярмарочным домом.

КОЖЕВЕННО - ОБУВНЫЕ, МАНУФАКТУР-
НО ГАЛАНТЕР. ТОВ., ГОТОВ КОЖАНАЯ
и ВАЛЕНАЯ ОБУВЬ. РЕЗИНОВ. ГАЛОШИ
и пр. в БОЛЬШОМ ВЫБОРЕ.

О О О ЦЕНЫ НИЖЕ РЫНОЧНЫХ. О О О

для членов Губвпо установлена скидка с продажных цен на товары.

КРОМЕ ТОГО: ВОЛГУБВПО имеет общедоступные ПАРИХМАХЕРСКУЮ (Советский пр., нижний этаж Дома Союзов и
СТОЛОВУЮ С НОМЕРАМИ, улица Лассала д. № 41.

ПОКУПАЕТ: от Государственных и Кооперативных организаций продукты питания и предметы широкого
потребления за наличные и путем товарообмена.

ПРЕДЛАГАЕТ: свои услуги всем военно-хозяйственным, Государственным и Кооперативным органи-
зациям, трестам и синдикатам по заготовке предметов сельско-хозяйственной продукции пушнины и
сырья в порядке товарообмена и на наличные деньги по твердым договорам.

ПРИНИМАЕТ: на себя представительство трестов и синдикатов, а равно и разные товары для реали-
зации на комиссионных началах.

Правление Волгубпо.

Вологодская Губконтора

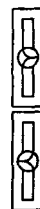
Акционерного Общества

„ХЛЕБОПРОДУКТ“.

(Здание Губпродкома, быв. гостинница „Эрмитаж“ телефон № 279.

ПОКУПАЕТ:

Лен. пушнину, кожевенное сырье,
рожь, муку, овес, ячмень, пшеницу,
масло сливочное и русское, льняное
семя и др. с/х. продукты.

ПРОДАЕТ:

Мануфактуру, галантерею, колони-
ально - бакалейные, хлебные, мясо-
рыбные, железо-скобяные товары и
строительные материалы.

ПОКУПКА И ПРОДАЖА НА ДЕНЬГИ И В ОБМЕН НА ТОВАР И С/Х. ПРОДУКТЫ.

Губконтора берет на себя заготовку продуктов с/х. производства на договорных, безусловно
выгодных, для всех предприятий и объединений условиях.

Имеются отделения: в Вельске, Вожеге, Грязовце, Каргополе, Тотьме, Уфтюге, Шуйске
и Харовской.

Розничная торговля в Вологде: мануфактурно-галантерейный магазин на Каменном
мосту, быв. Меньщикова, колониальный, хлебно-бакалейный и мясо-рыбный магазин—
на каменном мосту быв. Рынина.

◆ ◆ Товары вне конкуренции и в большом выборе. ◆ ◆

Цены значительно ниже рыночных.

ВОЛОГОДСКИЙ
ГУБЕРНСКИЙ

СОЮЗ ОХОТНИКОВ

(ул. Свободы, дом Ярцева-Зайцева).

ПРОИЗВОДИТ:

скупку пушнины, щетины, опойка и кожи за наличный расчет и в обмен на товары
(ОХОТНИЧЬИ ПРИПАСЫ И ПР.).

АДРЕС СОЮЗА: { Почтовый—Вологда, Губернский Союз Охотников.
Телеграмм—Губсоюзохота.

ВОЛОГОДСКАЯ КОНТОРА ГОСТОРГА Н. К. В. Т.

Ведет заготовку по Вологодской губернии: льна, нудели, пуш-
нины, выростка, опойка, щетины и др. видов экспортного сырья.

В Вологде, Грязовце и Тотьме конторой открыты отделения для
закупки сырья **на деньги и в обмен на товары.**

Покупка сырья и продажа товаров производится оптом и в
розницу, **в обмен и на деньги.**

Контора имеет: белую муку, рыбу, чай, сахар, рис, табачные
изделия, охотничьи принадлежности, мануфактуру, готовые меха,
обувь и проч. товары.

Контора и Вологодский магазин помещается на ул. Свободы в д. № 3
(б. Буторова), телефон общий № 87 и Заведывающего конторой—№ 89.

ВОЛОГОДСКАЯ КУСТПРОМТОРГА КОНТОРА

(Каменный мост, дем. бывш. Семенкова, рядом со складом Артельсоюза).

ВЕДЕТ ЗАГОТОВКИ ДЛЯ ЦЕНТРА

тонких кружевных изделий, покупает у кустарей и артелей белые кружева, мотивы и все-
возможные штучные изделия.

В распоряжении конторы для кустарей имеются белые льняные нитки №№ 40, 46, 50, 60 и 90.

С 1-го января 1923 года при конторе открыт

РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН КУСТАРНЫХ ИЗДЕЛИЙ.

В магазине имеются: художественно-выполненные игрушки, разнообразные кружева, бель-
евое и туалетное мыло, валенки, посуда, сапожная арматура, канцелярские принадл. и пр.

Товар из первых рук.

Цены вне конкуренции.